

*На правах рукописи*

**ДУРКИНА Галина Сергеевна**

**СЕМАНТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ  
АСПЕКТ ОПИСАНИЯ РУССКОГО  
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

10.02.01 – русский язык

**А В Т О Р Е Ф Е Р А Т**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Волгоград — 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

- Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор  
*Шестак Лариса Анатольевна.*
- Официальные оппоненты: *Терентьева Елена Витальевна*, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»), профессор кафедры русского языка и документалистики);
- Латышева Мария Александровна*, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»), доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации).
- Ведущая организация — Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Защита состоится 6 декабря 2013 г. в 12.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещён на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 5 ноября 2013 г.

Автореферат разослан 5 ноября 2013 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук,  
профессор



Е.В. Брысина

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена выявлению основных закономерностей семантической синтагматики русского художественного текста.

**Актуальность исследования** обусловлена необходимостью более глубокого изучения механизма синтагматических отношений языковых единиц в русской художественной речи (на примере произведений классической и современной русской литературы). Современная теория текста (Л.Г. Бабенко, В.А. Маслова и др.) нуждается в расширении знаний о механизме синтагматических отношений языковых единиц в тексте.

Знание закономерностей сочетаемости текста является также требованием, предъявляемым к выпускникам средних школ и абитуриентам в рамках Единого государственного экзамена по русскому языку (задания А7 — «Текст. Смысловая и композиционная целостность текста. Последовательность предложений в тексте» и А8, В7 — «Средства связи предложений в тексте»), поэтому всё большее внимание в практической деятельности педагога уделяется речеведению.

**Объектом диссертационного исследования** является синтагматический аспект русского художественного текста, а **предметом** — семантико-синтагматические отношения номинативных единиц и текстовых фрагментов в русских поэтических и прозаических художественных текстах XIX и XX вв.

В основу диссертационной работы положена следующая **гипотеза**: семантическая синтагматика художественного текста как художественного сообщения автора текста социуму должна базироваться на обязательных денотативных и коннотативных семах номинативных единиц и текстовых фрагментов. Семантическая синтагматика художественного текста как принципиально полиинтерпретируемого явления должна базироваться на потенциальных семах модального и подтекстного характера. Семантическая синтагматика поэтому должна соединять два этих механизма связности.

**Цель** данной работы — определить текстовые механизмы проявления категории связности (когезии как формальной связности и когерентности как семантической связности) в русском классическом и современном тексте.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить связь механизма семантической синтагматики с классификационной деятельностью сознания;
- 2) выявить различные виды сочетаемости языковых знаков в тексте;
- 3) проанализировать разные виды синтагматики русского поэтического и прозаического текста: в прямом контексте; в монометафорическом контексте; в полиметафорическом контексте.

**Источниками исследования** послужили поэтические и прозаические произведения русскоязычных авторов XIX и XX вв. (всего 1500 текстовых фрагментов): стихотворные тексты поэтов XIX в. — А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, XX в. — В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака, С.А. Есенина, А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной, Б.А. Чичибабина, Т.Ю. Кибирова, Н.В. Байтова; прозаические тексты писателей XIX в. — И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.П. Чехова, XX в. — К.А. Федина, Л.Е. Улицкой, В.О. Пелевина, Д.Л. Быкова, Ю.М. Полякова, П.В. Крусанова. Как представляется, подобный объем исследуемого материала позволяет сделать по обозначенным проблемам объективные выводы.

**Материалом исследования** стала авторская картотека, включающая 1500 единиц — примеров текстовых репрезентаций синтагматики смысла в тексте, отобранных методом сплошной выборки из поэтических и прозаических произведений XIX—XX вв.

**Теоретической основой** работы являются: коммуникативный (И.Р. Гальперин, Н.С. Валгина, Н.В. Шевченко), семиотический (В.А. Лукин), когнитивный (Л.Г. Бабенко) подходы к тексту; теория сочетаемости (Е.С. Кубрякова, Д.Н. Шмелев); основные виды синтагматики: фонотактика и фонология (Н.С. Трубецкой, М.В. Панов, С.В. Князев, С.К. Пожарицкая); дериватология (В.Н. Немченко, И.С. Улуханов, В.В. Лопатин, Е.А. Земская, А.Г. Лыков); синтаксическая синтагматика (А.А. Аксаков, Ф.И. Буславев, Н.П. Некрасов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, А.А. Шахматов, В.В. Богданов, В.Г. Гак и др.); лексическая синтагматика (О.Л. Рублева); семантическая синтагматика (Дж. Катц, Й. Фодор, П. Постал, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, Л.А. Шестак); основные понятия когнитивной науки: концепт, фрейм, сценарий слот (А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, В.А. Маслова, М. Минский, В.З. Демьянков, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Л.А. Шестак и др.).

**Методологической базой** диссертационного исследования послужили фундаментальные исследования по теории текста (В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, А.И. Домашнев, З.И. Хованская, В.А. Лукин, О.И. Москальская, Н.С. Валгина, Н.В. Шевченко и др.) и теории семантики (Аристотель, О.И. Авдеева, Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, И.М. Кобозева, М.А. Кронгауз, Л.А. Новиков, М.В. Никитин, Б.А. Плотников, В.Н. Телия, М.Блэк, Дж. Лакофф и М. Джонсон и др.).

В работе использовались следующие **методы**: 1) описательный, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации языковых данных и классификации анализируемого материала; 2) метод контекстуального анализа, используемый при исследовании реализации синтагматических отношений языковых единиц в русской речи; 3) метод

компонентного анализа, позволяющий выявить языковые единицы, находящиеся в синтагматических отношениях; 4) элементы фреймового и концептуального анализа.

**Научная новизна** диссертационной работы заключается в следующем: исследован лингвистический механизм семантической синтагматики в прозаическом и поэтическом русском художественном тексте, определены модели сочетания в русском тексте метафор разных тематических зон, выявлена динамика семантической синтагматики в русском классическом и современном тексте.

**Теоретическая значимость** исследования состоит в том, что оно способствует дальнейшей разработке теории интерпретации художественного текста в целом и проблемы синтагматических отношений в тексте в частности: описан механизм синтагматики разных языковых единиц, установлен алгоритм анализа полиметафорического поэтического текста.

**Практическая значимость** исследования состоит в том, что его материалы найдут применение в теоретических курсах по теории текста и лексикологии; в спецкурсах по интерпретации художественного текста, а также в элективных курсах школьной программы по русскому языку и литературе и курсах по выбору в рамках предпрофильной подготовки обучающихся.

**На защиту выносятся следующие положения:**

**1.** Общими закономерностями разных видов языковой синтагматики являются следующие: 1) повторяемость признаков (фонетическая, синтаксическая, лексическая, семантическая синтагматика); 2) конвенциональный характер языковой сочетаемости; 3) синтагматические отношения сходства или смежности между сочетающимися единицами.

**2.** Информация в тексте может представляться несколькими способами: 1) прямыми значениями лексем — с помощью денотативных сем, с целью создания иллюзии правдоподобия (Р. Барт); 2) семантикой фреймовой структуры; 3) коннотативными и потенциальными семами переносных значений слов; 4) композицией произведения.

**3.** Классический русский прозаический текст (И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.П. Чехов) строится в основном линейно-прерывисто. Читатель последовательно узнает о новых героях и событиях. В современном русском прозаическом тексте механизм связности текста усложняется. Кроме классического *повтора мотивов* («Медя и ее дети» Л. Улицкой), появляются такие механизмы связности, как *конверсивная связность* (В.О. Пелевин «Жизнь насекомых»), *функционально-изоморфная связность*, *культурно-ассоциативная связность*.

**4.** В классическом русском поэтическом тексте синтагматика осуществляется за счет действия закона семантического согласования слов в языке. Синтагматика поэтического художественного текста реализуется прежде всего в форме метафор, несущих основную идею текста. Как в

классическом, так и в современном русском поэтическом тексте метафорическая аранжировка текста носит поликодовый характер, однако в современном поэтическом тексте значительно шире набор оснований сравнения (научные, политические, технические сравнения).

**Апробация работы.** Результаты и выводы исследования были представлены в виде докладов на международной конференции по проблемам семантики (Иваново, 2008) и на различных международных, всероссийских, межвузовских научно-практических конференциях: «Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы» (Волгоград, 2007); «XII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области» (Волгоград, 2007), «XIV Державинские чтения» (Тамбов, 2009); «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, 2009).

Результаты исследования отражены в 8 статьях общим объемом 2,9 п. л., в том числе в 3 статьях, вышедших в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

**Структура работы.** Диссертация включает введение, три главы, заключение, библиографический список.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обозначены объект и предмет исследования, определены цель и задачи, сформулирована гипотеза исследования; аргументируются его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость; сформулированы положения, выносимые на защиту; указаны источники, методологическая база и методы исследования; описана структура диссертации; представлена апробация основных выводов диссертационного исследования.

В **первой главе «Синтагматика как проявление системности языка»** рассматриваются типы языковой синтагматики (фонетическая, словообразовательная, грамматическая, синтаксическая, лексическая, семантическая); определяется специфика семантической синтагматики.

Системная организация лексики изучается с начала XX в., но семантическая синтагматика как проявление системности лексических единиц стала предметом внимания ученых лишь во второй половине XX в. Этой проблемой занимались Д.Н. Шмелев, М.М. Копыленко, Н.З. Котелова, С.Г. Тер-Минасова, Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм, Л.А. Новиков, Ю.Д. Апресян, Е.В. Красильникова, В.Г. Гак, О.И. Авдеева, И.М. Кобозева, А.Б. Копелиович, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Л.А. Шестак и др.

Сочетание слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам. В то же время сочетаемость каждого отдельного слова в

пределах допустимых в языке моделей сочетаемости обусловлена его собственной индивидуальной семантикой. В связи с этим различаются синтаксическая и лексическая сочетаемость слов. Синтаксическая сочетаемость слова определяется его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость — его индивидуальным значением (Д.Н. Шмелев).

Основной закономерностью русской фонетической синтагматики является удобство произношения, проявляющееся в ассимиляциях (уподоблениях) по глухости/звонкости, твердости/мягкости и по артикуляции.

В синтагматические отношения могут вступать несколько единиц: две и более. На основе этих отношений строятся все мотивированные (производные) слова и все виды синтаксических соединений — от минимального сочетания слов до сложного предложения и развернутых текстовых последовательностей.

Морфотактика (В.Н. Немченко) — сочетаемость морфем в слове — определяется возможностями системы данного языка и осуществляется на основе грамматической конвенциональности (префиксы *вы-*, *до-* сочетаются только с глаголами и отглагольными образованиями, суффиксы *-ик-*, *-ищ-* закреплены за мужским родом, суффикс *-щик* сочетается с глаголами непереходного вида, суффикс *-тель* — с глаголами переходного) и стилистического подобия морфем.

Синтагматика на уровне синтаксиса базируется на принципе изоморфизма (функционального уподобления) синтаксических единиц: подчинительного сочетания и сложноподчиненного предложения, сочинительного сочетания слов (словосочетания в широком смысле слова) и сложносочиненного предложения, сложного словосочетания и синтаксического многочлена: *Он поехал в город учиться. — Он поехал в город, чтобы учиться.*

Понятие лексической сочетаемости относительно разных аспектов: определенного языка (выражение *водить за нос*, например, нельзя перевести дословно); времени (сочетаемость может измениться со временем, например, раньше невозможно было сказать *умная машина* или *стеклянная сковородка*, но возможным было выражение *начались классы* в значении 'уроки'); условий реализации (возможно индивидуально-авторское или ситуативное, шутовское словоупотребление, например *«съесть галоши»* у К. Чуковского или *«тоска веселая»* у С. Есенина), т.е. возможно и расширение, и сужение лексической сочетаемости.

Обусловленность лексической сочетаемости слов их лексическими значениями объясняется тем, что ЛСВ может вступать в связь только с определенным кругом слов, определенным их семантикой. Так, слово *лента* ('узкая полоска ткани, служащая для стягивания волос, украшения или отделки') предполагает определенный круг сочетаемости этого слова: с определением-прилагательным (грамматическая сочетаемость), указыва-

ющим на: 1) размер (*широкая, длинная, узкая, короткая... лента*); 2) материал (*атласная, шелковая, бархатная... лента*), причем не любой материал, а дорогой, нарядный (т.к. предмет предназначен именно для украшения), поэтому отсутствует сочетаемость *рогожная, холщовая, ветхая лента*; 3) цвет (*алая, синяя, голубая... лента*) и т.п. Таким образом, слова сочетаются друг с другом избирательно. Если слово *лента* можно соединять с прилагательными по перечисленным признакам, то, соответственно, нельзя осуществлять сочетаемость по другим признакам, не обусловленным предметно-логически (т.е. денотативно), например, 'вкус': нельзя сказать *кислая лента*. Лексическая сочетаемость — это сочетаемость смыслов, значений слов. Разного рода нарушения лексической сочетаемости ведут к речевым ошибкам (типа *\*кавалькада велосипедистов, \*одержать рубежи, \*приложить мастерство* и т.п.).

Однако не все слова сочетаются на основе лишь предметно-логической связи. Во многих случаях язык «накладывает запрет» на ту или иную сочетаемость, хотя с точки зрения предметно-логической она была бы вполне возможна (*карие глаза*, но не *\*карие волосы; мебель красного дерева*, но не *\*мебель красных деревьев*). Таким образом, сочетаемость слов (как лексическая, так и грамматическая) может быть относительно свободной, широкой (хотя и ограниченной предметно-логически) и узкой, ограниченной языковой системой (лексическим или грамматическим контекстом, определенной формой слова или синтаксической функцией).

Понятие сочетаемости тесно связано с понятием контекста, а также нормой контекста, его типом и позицией слова в контексте, т.к. синтагматические отношения построены на позиционных, а не на оппозиционных (как парадигматика) отношениях. Поскольку в синтагматике слово всегда рассматривается в контексте как элемент словосочетания, единицей лексической синтагматической системы является синтагма, а основным объектом рассмотрения — синтагматические функции слова.

Семантическая сочетаемость отражает индивидуальные качества и свойства предметов. Искусственная лингвистическая фраза Н. Хомского *Зеленые идеи бешено спят* является абсурдной с точки зрения смысла: *идеи* — понятие абстрактное и потому они не имеют цвета, глагол *спать* называет состояние торможения психики, а потому не может «выполняться» эмоционально и интенсивно. Конечно, грамматическое и лексическое в слове слито и нераздельно. Сочетание *простуженный ребенок* — нормативно и логично, а *\*простуженный стул* — нет, именно потому, что компонентный состав лексемы *простуженный* включает сему 'лицо', а стул — сему 'предмет'. Сема 'лицо' в первом случае и 'предмет' во втором является граммемой (грамматической семой), отражающей логику мышления: в окружающем мире есть предметы, их свойства и состояния; предметы, субстантивные слова, делятся, в свою очередь, на предметы, лица,

абстрактные понятия, составляя предметность в широком смысле слова. Поэтому лексема *стул* имеет в составе семемы граммему 'предметность' и субграммему 'предмет', а лексема *ребенок* — граммему 'предметность' и субграммему 'лицо'. Архисемой (родовой семой) является 'человек' для лексемы *ребенок* и 'мебель' для лексемы *стул* (см. лексикографические дефиниции *ребенок* — 'мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества' [СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999: 694]; 'маленький мальчик или маленькая девочка' [БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000: 1108]; *стул* 'предмет мебели — сиденье на ножках со спинкой, на одного человека' [СОШ: 803]; 'род мебели: предмет на четырех ножках, без подлокотников, обычно со спинкой, предназначенный для сидения одного человека' [БТС: 1283]. Архисемы 'человек' и 'мебель' отражают более частный тематический характер классификации предметов действительности — люди, животные, атмосферные явления, предметы быта (посуда, мебель, одежда). Однако семантический тематический признак 'человек', 'мебель' включается в более общий (или вытекает из более общего): 'предмет' как имеющая форму и материальную определенность сущность; компонент, заполняющий пространство окружающей действительности (см. словарные определения лексемы *предмет* 'всякое материальное явление, вещь' [СОШ: 593]; 'всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств и мышлением как нечто существующее особо' [БТС: 958]).

Сочетаемость, логичность выражения *простуженный ребенок* и абсурдность употребления *\*простуженный стул* и определяются совпадением или несовпадением классифицирующих (грамматических и родовых семантических) компонентов в словах, составляющих сочетание. Лексема *простуженный* 'вызванный простудой, обнаруживающий простуду' [СОШ: 642]; 'получивший простуду' [БТС: 1029] является производной формой в цепочке *студить — простудиться — простуда*. Слово же *простуда* 'болезнь, вызванная охлаждением организма, само такое охлаждение' [СОШ: 642]; 'болезнь, вызванная переохлаждением организма, переохлаждение организма, вызывающее такую болезнь' [БТС: 1029] компонентами 'болезнь' и 'организм' однозначно указывает на вхождение в более общее понятие — 'одушевленность' субъектов, обладающих таким признаком, как 'простуженность'. В силу этого в сочетании *простуженный ребенок* сема 'одушевленность', 'лицо', входит в состав семем обоих слов, имплицитно (скрыто, без вербального выражения) — в форму *простуженный* как производную от *простудиться* 'заболеть в результате переохлаждения организма' или в качестве дифференциаторов (видовых сем) — в лексему *простуда* ('болезнь', 'организм'), «свернуто» — в семему слова *ребенок* — 'мальчик' или 'девочка'. В сочетании же *\*простуженный стул* сема 'одушевленность' представлена в семеме слова



*простуженный*, но отсутствует в семеме слова *стул*: *стул* — не ‘лицо’, а ‘предмет’.

Графическое обозначение семемы (A1 d1 d2 ... k1...k2...p1 p2 ...) есть *семантическая формула* ЛСВ.

Закон семантического согласования слов в языке впервые был сформулирован в работах французских лингвистов Б. Потье и А. Греймаса, а также отечественных — Ю.Д. Апресяна и В.Г. Гака.

Неединичность, итеративность (повторяемость) сем отдельных ЛСВ и обеспечивает их логическую сопоставимость, тематическую соотношенность, семантическую осмысленность, т.е. сочетаемость. Закон семантического согласования слов в языке заключается в *повторяемости сем сочетающихся слов* (Ю. Апресян).

Синтагматика как прямых денотативных, так и метафорических языковых средств в художественном тексте обеспечивается повторяющимися семемами не только денотативного, но и коннотированного текстом, а также потенциального, обеспеченного фоновым знанием, характера.

Таким образом, общими закономерностями разных видов языковой синтагматики являются следующие: 1) повторяемость признаков (фонетическая, синтаксическая, лексическая, семантическая синтагматика); 2) конвенциональный характер языковой сочетаемости; 3) синтагматические отношения сходства или смежности между сочетающимися единицами.

Во второй главе «Связность как категория художественного текста» рассматривается понятие текста с точки зрения лингвистики; анализируются категории художественного текста; определяются особенности категории связности; представлены способы подачи информации в художественном тексте.

Текст является центральным объектом филологического исследования. Теорию текста составляют сведения разных наук (философии, лингвистики, психологии, герменевтики, социологии, культурологии, прагматики). Многоаспектность текста до сих пор не позволяет дать ему универсальное определение. Различные подходы и направления в изучении текста, дополняя друг друга, делают акцент на каком-либо одном из его аспектов. Однако лингвистика и стилистика текста являются основными направлениями общей теории текста и охватывают большинство вопросов, связанных с его изучением.

При изучении текста прежде выделяют его категории (Н.Д. Зарубина, Л.А. Новиков, З.Я. Тураева, С.Г. Ильенко, Т.В. Матвеева, И.Р. Гальперин). Наиболее полным, систематизированным и в то же время доступным для понимания оказалось, по нашему мнению, описание текстовых категорий, предложенных И. Р. Гальпериным: 1) членимость; 2) когезия; 3) кон-

тинуум; 4) автосемантия; 5) модальность; 6) проспекция и ретроспекция; 7) интеграция и завершенность; 8) информативность.

Описывая виды и средства связи в тексте, И.Р. Гальперин выделяет когезию (т.е. формальные средства связи) и когерентность (содержательную связность). Однако под когезией И.Р. Гальперин понимает и «особые» виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность (темпоральную и/или временную), взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий, т.е. и смысловые средства связи.

Понятие связности в самом общем плане может быть определено через повтор: *некоторая последовательность знаков на том основании рассценивается как связная, что имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов*; повторяясь, они скрепляют, «сшивают» такую последовательность в одно отдельное целое (последним как раз и объясняется выбор латинского *textum* — ‘ткань’, ‘плетеная работа’ — для обозначения соответствующей последовательности знаков) (В.А. Лукин).

Идея ‘повторяемости’, лежащая в основе понятия связности, важна и в более широком научном контексте. Регулярный повтор тех или иных явлений в определенных условиях есть необходимая предпосылка для предположения об их неслучайном характере. Таким образом, повторяемость есть предпосылка регулярности, а регулярный повтор одних и тех же явлений при одних и тех же условиях — это не что иное, как закон (понятие закона) (В.А. Лукин).

Л.Г. Бабенко предлагает классификацию внутритекстовых связей, которая опирается на уровневое представление текста, т. к. связи обнаруживаются на всех его уровнях. В своей работе мы рассматриваем типы внутритекстовых связей в соответствии с уровнями текста: 1) текстообразующие логико-семантические связи; 2) текстообразующие грамматические связи; 3) текстообразующие прагматические связи.

Информативность — одна из важнейших и присущих только тексту категорий. Она выражается в жанрах повествования, рассуждения, описания. Информация является содержанием любого законченного текста, т.е. представляет собой «соотношение смыслов и сообщений, дающее новый аспект явлений, факта, события. Это соотношение подвержено изменению по мере продвижения текста» (И.Р. Гальперин). Содержательно-фактуальная информация находит свое выражение в тематических группах, для которых наиболее важны непосредственные наименования предмета речи, называемые номинационной цепочкой (И.Р. Гальперин). Содержательно-концептуальная информация сообщает читателю индивидуальное понимание отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа. К подтекстовой информации относятся: пресуппозиция, символ, импликация, ассоциативный и ситуативный контексты.

Основная номинационная цепочка проходит через весь текст, является представителем темы целого текста, позволяет отличить главную информацию (тематическую цепочку) от второстепенной. Так, в рассказе А.П. Чехова «Человек в футляре» повторяются номинации *футляр, чехол, чехольчик, пальто, верх* (фазтона).

В когнитивной лингвистике и когнитивной психологии считается, что любой сюжет художественного произведения легче описать через фрейм, т. е. через перечисление деталей, из которых складывается содержание, дающее как бы кадр фильма. Фрейм в его базовом определении (М. Минский, В.З. Демьянков) — это структура данных для представления визуальной стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти. Это организация представлений, хранимых в памяти, структура знаний, информация об определенном фрагменте человеческого опыта (например, празднование дня рождения) (В.А. Маслова). Подобную трактовку фрейма дают В.И. Карасик, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Г.Г. Слышкин. Данное знание включает: а) лексическое значение; б) энциклопедическое знание предмета; в) экстралингвистическое знание. Фрейм организуется вокруг некоторого ядра и поэтому содержит информацию, ассоциирующуюся с данным ядром.

Посредством фреймов можно описать основную идею текста (библейский фрейм, пропускающий сквозь бытовую фрейм подготовки к Рождеству в Ленинграде 1972 г. — «В Рождество все немного волхвы...» И. Бродского), сюжетную линию произведения (фрейм битвы, борьбы в рассказе Э. Хэмингуэя «Старик и море»), сопоставить фабулу и сюжет (романы М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», К.А. Федина «Города и годы») (Л.А. Шестак). Поэтому фреймовое описание и сопоставление сюжетов, как представляется, является универсальной основой сопоставления произведений разных авторов и разного времени создания.

В качестве денотативной канвы текста (Р. Барт) фактуальная информация связывается на лексическом уровне повторной номинацией, а на семантическом уровне — облигаторными денотативными и факультативными семами значений лексем. Так, в рассказе В.М. Шукшина «Срезал» главные герои представляются читателю последовательно:

*К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведают, отдохнуть* (первый абзац).

*Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба* (третий абзац).

*Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.*

*Глеб Капустин — толстогубый, белобрысый мужик сорока лет, начитанный и ехидный* (четвертый и пятый абзацы).

Далее следует перифрастическая номинация ключевых героев (*кандидат Журавлев, знатные люди, кандидат Константин Иванович, кан-*

*дидатка, кандидаты, профессора, полковники, народ*), приобретающая в силу контекстного окружения (*Глеб посмеивался. И как-то мстительно шурил свои настырные глаза; Получалось, вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца...; Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепалогией занимаются; кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, захлопотал насчет стола...; «Ну, садитесь, за стол, друзья»; И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал, Но — видно было — подбирался к прыжку; Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку подымут. Кандидат поднял перчатку. Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату; Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки — его несло; «Скромней надо»; «Люблю по носу щелкнуть — не задирайся выше ватерлинии»; «Дошлый, собака»; «Срезал ты его»; «А то слишком много берут на себя»), носящая, по сути, оценочный характер. По мере развертывания сюжета прямая номинация *гость, сын, кандидат технических наук, знатные люди, ученые, проблема, профессор, разум, материя, Луна* и проч., содержащая повторяющиеся денотативные семы d1 'родственник', d2 'ученый', d3 'образование', d4 'наука', d5 'исследование', d6 'статус', уступает место образно-перифрастической, содержащей факультативные социальные, оценочные и эмоциональные семы: *мстительно, настырные, опытного кулачного бойца, подбирался к прыжку, ударил, по носу щелкнуть, дошлый, собака, срезал*. Таким образом, осуществляется семиотическое преобразование текстовых знаков, которые вводятся как индексальные, но символизируются по мере развертывания текста и превращаются в символ: *мертвые души, человек в футляре, хамелеон* (В.А. Лукин).*

Таким образом, информация в тексте представлена разными способами: 1) прямыми значениями лексем — с помощью денотативных сем, с целью создания иллюзии правдоподобия (Р. Барт); 2) семантикой фреймовой структуры; 3) коннотативными и потенциальными семами переносных значений слов; 4) композицией произведения.

В третьей главе «Типология семантической синтагматики в русском художественном тексте» проанализирована тематическая и семантическая синтагматика классического и современного русского прозаического текста; выявлены основные закономерности семантической синтагматики русского поэтического текста.

«Прозрачными» с точки зрения синтагматических связей являются романы И.С. Тургенева. Главы связываются между собой последовательно. Например, II глава романа «Рудин» заканчивается словами: — *Дмитрий Николаевич Рудин, — доложил лакей.*

III глава открывается словами: *Вошел человек лет тридцати пяти, высокого роста, несколько сутуловатый, курчавый, смуглый, с лицом*

неправильным, но выразительным и умным, с жидким блеском в быстрых темно-синих глазах, с прямым широким носом и красиво очерченными губами. Платье на нем было не ново и узко, словно он из него вырос.

То же наблюдаем в конце IV главы: *И Дарья Михайловна протянула Рудину руку. Он сперва пожал ее, потом поднес к губам и вышел в залу, а из залы на террасу. На террасе он встретил Наталью.* V глава начинается следующими словами: *Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексеевна, с первого взгляда могла не понравиться. Она еще не успела развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ее лица были красивы и правильны, хотя слишком велики для семнадцатилетней девушки.*

I глава романа «Дворянское гнездо» заканчивается словами: — *Сергей Петрович Гедеоновский!* — пропихнул краснощекий казачок, выскочив из-за двери. II глава начинается так: *Вошел человек высокого роста, в опрятном сюртуке, коротеньких панталонах, серых замшевых перчатках и двух галстуках — одном черном сверху, другом белом снизу.*

Во II же главе узнаем, что верхом едет Владимир Николаевич. В III главе состоялся диалог между ним и Марьей Дмитриевной Калитиной. А в IV главе мы знакомимся с Владимиром Николаевичем Паншиным. В IV главе появляется Христофор Федорович Лемм. Далее V глава посвящена этому герою, и мы узнаем, что *Христофор Теодор Готлиб Лемм родился в 1786 году, в королевстве Саксонском, в городе Хемнице, от бедных музыкантов.* В VI главе появляется ...*господин, в сером пальто и широкой соломенной шляпе*, который подходит к Лизе. В VII главе читаем:

— *Вы меня не узнаете,* — промолвил он, снимая шляпу, — *а я вас узнал, даром что уже восемь лет минуло с тех пор, как я вас видел в последний раз. Вы были тогда ребенком. Я Лаврецкий.*

Подобное последовательное развертывание информации имеет место в романе И. А. Гончарова «Обломов». Локализация фреймов романа представлена на рис. 1.

Два слота-топонима — «Гороховая улица» и «Выборгская сторона» — имеют тесную тематическую связь в виде терминальных узлов «Обломов» и «Пшеницына». Терминальные узлы «Захар» и «Штольц» связаны с термом «Обломов». А от термина «Штольц» следует линейное продолжение фрейма «Знакомство с Ольгой Ильинской». Терм «Сын Андрей» является объединением термов «Обломов» и «Пшеницына».

Части романа связаны лексическим повтором. Так, IV—V главы второй части связаны такой текстовой скрепой, как повторяющаяся фраза. В IV главе Штольц говорит Обломову, что увезет его за границу. Илья Ильич противится:

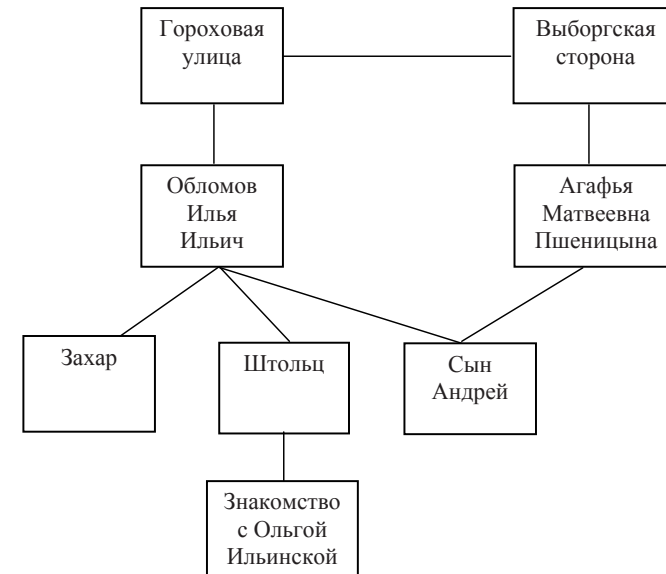


Рис. 1

— *Обломовщина, обломовщина!* — сказал Штольц, смеясь, потом взял свечку, пожелал Обломову покойной ночи и пошел спать. — **Теперь или никогда** — помни! — прибавил он, обернувшись к Обломову и затворяя за собой дверь.

В V главе читаем: «**Теперь или никогда!**» (здесь и далее в примерах жирный шрифт мой. — Г.Д.) — *явились Обломову грозные слова, лишь только он проснулся утром.* В XI главе: *Обломов дома нашел еще письмо от Штольца, которое начиналось и кончалось словами: «Теперь или никогда!», потом было исполнено упреков в неподвижности, потом приглашение приехать непременно в Швейцарию, куда собирался Штольц, и, наконец, в Италию.*

Таким образом, русский классический прозаический текст строится чаще всего линейно. Читатель последовательно узнает о новых героях и событиях. Сюжет, воплощавший фабульную инверсию (роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), — скорее, исключение.

В произведениях современных писателей, например, в романе Людмилы Улицкой «Медя и ее дети» также имеются предложения-«скрепы», которые соединяют главы романа в единое целое. Так, в конце 8-й главы романа читаем:



Вошла Маша, в куртке поверх ночной рубашки, с воспаленно-розовым лицом в мелкой точечной сыпи.

— Машка! Что с тобой? — ахнула Ника.

Маша жадно пила из кружки и, допив, странно сказала:

— *А ведро-то полное...* Аллергия у меня.

— Не краснуха ли? — встревожилась Медея.

— Откуда ей? Сегодня к вечеру пройдет, — улыбнулась Маша. —

Ночь была ужасная. Жар, озноб. А теперь уже все.

В начале этой же главы автор вводит в повествование сон Маши:

Покуда ее тряс озноб и мучила жажда, ей снился один и тот же все повторяющийся сон, как будто она встает с постели, идет на кухню и **пытается зачерпнуть из ведра, в котором воды на самом дне, и кружка только шкрябает по жести, а вода не набирается...** Одновременно с этим сами собой складывались какие-то неструктурированные строчки, в которых был берег, горячее солнце и неопределенное ожидание, смешанное с реальной жаждой...

Лексема *ведро* является соединяющим началом сна и реальности героини. И только познакомившись с эпизодом сна, читатель способен понять странные слова Маши: «*А ведро-то полное...*». Важным в романе является мотив 'совпадения, случайности'.

Роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» можно представить в виде двух фреймов: «Этот свет» и «Тот свет». II часть романа повествует о загробной жизни героев. Елена – главная героиня романа, жена Павла Алексеевича. На том свете та же Елена зовется Новенькой. Она появляется в белой в мелкий зеленый цветочек рубашке, о которой говорит: *Новая, пакистанская. Подарили, я такую не покупала.* Кроме того, Елена-Новенькая обнаруживает в своих руках черную кружевную косынку. Она вспоминает, что эту косынку долго искали, когда умерла бабушка: *Так и похоронили, покрыв голову белым платочком...* Попав в пустыню, Новенькая и другие персонажи идут по неопределенному маршруту. Здесь муж Елены, который зовется Бритоголовым; он так же, как и в настоящей жизни, является врачом, помогает Манекену. Манекена нашли в песке, он *грубо сделанный, местами попорченный*. Друг Павла Алексеевича, Илья Иосифович Гольдберг, в загробной жизни предстает Иудеем. Он ведет всех персонажей по неопределенному маршруту, является ведущим. Длинноволосый – это Сергей Зворыкин, музыкант, в которого Таня Кукоцкая влюбилась на юге. Пересечением фреймов «История Тани» и «История Сергея» является «Selmer», саксофон в футляре.

Схему другого современного художественного текста — романа Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» — можно представить в виде основных повествовательных фреймов, связанных с персонажами, показанных на рис. 2.

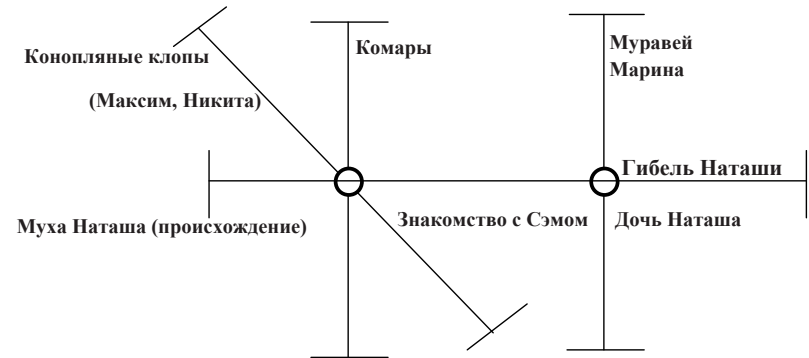


Рис. 2

На данной схеме мы видим, что сюжетные фреймы, в которых действуют герои, пересекаются, т.е. совпадают своими слотами (М. Минский, В.П. Дьяконов, А.В. Борисов). Так, фрейм 'Муха Наташа' находит точку пересечения с фреймом 'Комары' в слоте 'знакомство с Сэмом'. Здесь же мы наблюдаем аппликацию слота 'Конопляные клопы'. Фраза «За тобой нет никакой вины» является связующей фразой двух глав. Прокомментируем вербальную связь, дополнительно маркирующую сюжетное апплицирование фреймов романа.=

Своеобразие композиции этого произведения проявляется в том, как описывает В. Пелевин жизнь насекомых: автор переплетает главы таким образом, что сразу не понятно, о ком идет речь. Для того чтобы соединить истории в целое произведение, он использует специальные предложения-«скрепы». Так, в девятой главе ведется рассказ о Максиме и Никите, которые курят так называемый *косяк*. Они видят в высушенной конопле несколько клопов. Никита объясняет другу, что клопы есть практически в каждом *косяке*, и когда куришь, клопы трещат. Никита и Максим скрываются от милиции, которая может их задержать, прячутся в трубе: *И вдруг в трубу подул ветер. Сначала его можно было принять за обычный сильный сквозняк, но не успел Максим сделать несколько шагов, как ветер достиг такой силы, что сбил его с ног и потащил назад. Никита удержал равновесие и даже прошел еще несколько метров, сильно наклонясь вперед, но ветер усилился до того, что старые дощатые ящики, лежавшие перед круглой дырой выхода, стали срываться с места и катиться в трубу. От трех или четырех Никита увернулся, но ветер заставил его опуститься на четвереньки и схватиться за выбоины в бетоне. Он оглянулся. Максим лежал в самом конце трубы, уже заваленный ящиками, и небольшая черная дыр-*

ка над его головой страшно гудела, засасывая воздух. <...> Ветер стих так же внезапно, как начался....

— Что это? — спросил Максим.

— А ты что, не понял? — переспросил Никита с некоторым, как показалось Максиму, злорадством. — Это нас в косяк забили. Получается, что Максим и Никита и есть те самые конопляные клопы, которых они рассматривали в сушеной траве. В данном случае налицо конверсная связность текста (инверсия субъектно-объектных отношений).

Заканчивается эта глава такими словами:

Максим попытался перекреститься, но руки были намертво зажатые наваленными вокруг ящичками.

— Господи! Да за что это мне? — прошептал он.

— **Неужели ты думаешь,** — слышался громовой и одновременно задушевный голос из отверстия, в которое стягивался дым, — **что я хочу тебе зла?**

— Нет, — кричал Максим, вжимаясь в бетон от подступившего жара, — не считаю! Господи, прости!

— **За тобой нет никакой вины,** — прогремел голос. — **Думай о другом.** В данном контексте не ясно, кому принадлежит «голос из отверстия». Но в следующей, десятой, главе, Сэм предлагает Наташе покурить марихуану, а она говорит:

— Я боюсь... я не пробовала никогда.

— **Неужели ты думаешь,** — нежно спросил Сэм, — **что я хочу тебе зла?**

Наташино лицо искривилось, и Сэм понял, что вот-вот она опять заплачет.

— **За тобой нет никакой вины,** — так же нежно сказал он. — **Думай о другом** (В. Пелевин).

Таким образом, становится понятно, что голоса Сэма и Наташи слышали конопляные клопы Никита и Максим. Фраза же Сэма «За тобой нет никакой вины» возвращает читателя к истории с комаром Арчибальдом, которого нечаянно убила Наташа (восьмая глава). Таким образом, тематическая связность текста дополнительно оформляется предложениями-скрепами.

В результате анализа синтагматических отношений в стихотворных текстах русских поэтов XIX в. нами были выявлены основные закономерности русской семантической синтагматики. Пример:

*Цели нет передо мною:  
Сердце пусто, празден ум,  
И томит меня тоскою  
Однозвучный жизни шум* (А. Пушкин).

В этом отрывке повторяются антропоморфная сема «бесцельный», «не занятый» (празден) и артефактные семы «пустой», «полый», «звучающий» (пусто, однозвучный, шум). Другие примеры:

*Что на земле прекрасней пирамид  
Природы, этих гордых снежных гор?  
Не переменит их надменный вид  
Ничто: ни слава царств, ни их позор;  
О ребра их дробятся темных туч  
Толпы, и молний обвивает луч  
Вершины скал; ничто не вредно им* (М. Лермонтов).

Здесь сочетаются метафоры трех тематических зон: антропоморфные (гордых, надменный, толпы), натурморфная (пирамид) и артефактная (дробятся, обвивает).

*Угоден Зевсу бедный странник,  
Над ним святой его покров!..  
Домашних очагов изгнанник,  
Он гостем стал благих богов!..* (Ф. Тютчев).

В этом отрывке налицо объединение сем трех тематических зон — религиозной (над ним святой его покров), артефактной (двойная метонимия очаги в значении «дом», дом в значении «близкие люди») и антропоморфной (гостем).

Как показало наше исследование, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев в поэтическом творчестве используют синтагматику классических сравнений: натурморфные, антропоморфные, социоморфные, религиоморфные метафоры.

Метафорическая синтагматика современного поэтического текста также делится на подвиды: одной тематической зоны, двух тематических зон, трех и более тематических зон. Рассмотрим эти случаи.

#### 1. Сочетаемость образных сем одной тематической зоны

Сочетаемость метафорических значений одной тематической зоны называют *контрапунктом* — дистантным повтором сем в семемах одной тематической зоны (Л.А. Шестак). Пример:

*Взмахнув ветвями, сделайте крылаты,  
Летите в Крым, где хорошо и южно...* (Б. Чичибабин).

Синтагматика обеспечивается семами одной зоны — зоометафорической. Повторяющиеся семы: «лететь», «крылья». Другой пример:

*Какая участь нас постигла,  
как повезло нам в этот час,  
когда бегущая пластинка  
одна лишь разделяла нас.  
Сначала тоненько шипела,  
как уж, изъятый из камней...* (Б. Ахмадулина).

Синтагматика обеспечивается зооморфными семами.

## 2. Сочетаемость образных сем двух тематических зон

Сочетаемость метафорических значений разных тематических зон называют *резонансом* — усилением суммирующего значения фракционированного образного речевого знака в результате аппликации сходных сем в семемах разных тематических зон (Л.А. Шестак). Пример:

*Грипп в октябре — всевидящ, как Господь.  
Как ангелы на крыльях стрекозиных,  
Слетают насморки с небес предзимних  
и нашу околдовывают плоть* (Б. Ахмадулина).

Семантическая (семемная) формула отрывка:

DDOROR  
ORDO<sub>зоом</sub>  
O<sub>зоом</sub>DDD  
DORD

Семантическая синтагматика обеспечивает сочетание двух метафорических зон — религиоморфной и зооморфной за счет сквозных сем d1 ‘осень’ (лексеммы *в октябре, предзимних*), d2 ‘болезнь’ (лексеммы *грипп, насморки*), d3 ‘полет’ (лексеммы *слетают, на крыльях, стрекозиных*), d4 ‘небеса’ (лексеммы *Господь, с небес*), коннотативной семы ‘удивление’ (лексеммы *всевидящ, околдовывают*) и потенциальных сем ‘судьба’, ‘тайна’ (лексеммы *всевидящ, Господь, околдовывают*).

## 3. Сочетаемость образных лексем трех и более тематических зон

Пример:

*Странный гость говорю Вам, неведомый гость,  
Он прошел через стену насквозь, словно гвоздь,  
Кем-то вбитый извне для неведомой цели.  
Впрочем, что еще оставалось ему,  
коль в дому, замураванном в снежную тьму,  
не осталось для входа ни двери, ни щели* (Б. Ахмадулина).

Семемная формула данного отрывка:

DDDDDD  
DO<sub>антр</sub>DDO<sub>арт</sub>  
DO<sub>арт</sub>DDD  
DDDD  
DDO<sub>арт</sub>DO<sub>нат</sub>  
DDDD

Таким образом, синтагматика отрывка представлена сквозными семмами трех метафорических зон (антропоморфной, артефактной и натурморфной). Синтагматику отрывка осуществляют денотативные семмы d1 ‘пространство’ для лексем *прошел, насквозь*, d2 ‘препятствие’ для лексем

*сквозь стену, замураванном, тьму*, d3 ‘проникновение’ для лексем *гвоздь, двери, щели*, коннотативные семмы k1 ‘удивление’ для лексем *странный, неведомый*, потенциальные семмы p1 ‘тайна’ для лексем *странный, неведомый, сквозь стену, замураванном*. Еще пример:

*В больничном саду воскресник:  
На липы и на дубки  
Халатики, встав на лесенки,  
накладывают бинты.  
Халатики отлетели!  
Но снятся дубам с тех пор  
ментоловые метели  
взволнованных медсестер* (А. Вознесенский).

Семантическая формула этого отрывка:

DDD  
DDD  
DArt DD  
Dmed Dmed  
OArt O<sub>зоо</sub>  
OA DD  
Omed Onat  
DD

Здесь OArt — артефактная метафора, Omed — медицинская метафора, O<sub>зоо</sub> — зооморфная метафора, OA — антропоморфная метафора, Onat — натурморфная метафора.

Синтагматика этого отрывка обеспечивается лексеммами, объединенными образностью пяти зон (натурморфной, артефактной, антропоморфной, зооморфной и профессиональной, а именно: медицинской). Как мы уже упоминали, сквозные семмы, обеспечивающие синтагматику полиметафорических контекстов, могут иметь различную природу: быть денотативными (d), коннотативными (k) и потенциальными (p). В данном отрывке это денотативные семмы d1 ‘растение’ для лексем *липы, дубки, сад*, d2 ‘медицина’ для лексем *больничный, бинты, ментоловый, медсестры*, d3 ‘чистота’, d4 ‘порядок’ для лексем *воскресник, накладывают бинты* (белят деревья), коннотативные семмы k1 ‘уменьшительно-ласкательная оценка’ для лексем *халатики, дубки, лесенки*, а также потенциальные семмы p1 ‘белый’ для лексем *халатики* (медицинские), *ментоловых, метели*, p2 ‘свежесть’ для лексем *халатики, ментоловых, метели*, p3 ‘радость’ для лексем *воскресник, халатики, дубки*, p4 ‘надежды’ для лексем *воскресник, взволнованных*, p5 ‘легкость’ для лексем *халатики, отлетели*.

Другой пример:

*Бардак в любой стране грозит обвалом  
хотя бы тем, что в чреве бардака  
порой и мягкотелым либералам с приятцей снится сильная рука.  
Потом, как будто мыслящую кильку, за мягкотелость отблагодаря,  
она берет их, тепленьких, за шкуру  
и набивает ими лагеря* (Е. Евтушенко).

Семяную формулу отрывка можно представить следующим образом:

DDDOAO<sub>nat</sub>  
DDOzooD  
DO<sub>zoo</sub>DDOAOA  
DDOAO<sub>gastr</sub>Ozoo/AOA  
DOADO<sub>zoo</sub>Ozoo  
OADD

Синтагматика отрывка обеспечивается сочетаемостью метафор шести тематических зон: антропоморфной (*грозит, снится, сильная рука, отблагодаря, берет, набивает*), натурморфной (*обвалом*), зооморфной (*мягкотелость, за шкуру*), гастрономической (*кильку*), артефактной (*набивает*). Синтагматика обеспечивается денотативными семами d1 'анархия', d2 'безвластие' (лексемы *бардак, обвал*), d3 'диктатура' (ФЕ *сильная рука*), d4 'репрессии' (*берет за шкуру, набивает лагеря*), коннотативными семами k1 'горечь', k2 'сарказм' (*как будто мыслящую кильку, за мягкотелость отблагодаря*) и потенциальными семами p1 'ночной', p2 'арест' (*берет их, тепленьких, ...*), p3 'массовость' репрессий (*набивает*), p4 'стадион' в p5 'Сантьяго де Чили', где p6 'был расстрелян', p7 'Виктор Хара'.

Увеличение числа потенциальных сем, обеспечивающих синтагматику современного поэтического текста, вызывает и расширение номинативной палитры современной поэзии — включение в поэтическую ткань номинативных средств разговорного, научного и даже официально-делового стиля. Примеры включения разговорной и жаргонной лексики:

*Воли лазер чертовый, материнство раннее  
Мчится в золоченое разочарование!* (А. Вознесенский);

*Сникерснуть  
Сделать паузу — скушать Твикс  
Оттянуться по полной  
Почувствовать разницу...  
Убить Билла-1  
Убить Билла-2  
Играть в Джек-пот — жить без забот  
Не париться*

*Пиариться  
Клубиться  
Позиционироваться  
Зачищать*

*Монетизировать и растаможить  
Зажигать*

*Бесстыдно, непробудно —*

*И не такой еще, моя Россия,  
Бывала ты, не падая в цене!* (Т. Кибиров).

Примеры включения в поэтический текст научной лексики:

*Застыло озеро заката,  
и отразилось небо в рельсах.  
А хризантема в это время,  
откинув плащ, открыла счет.  
Ее прическа — теорема.  
Ее два глаза — Смит и Вессон.  
Ее дыхание — загадка.  
Смертельны тени ее щек* (Н. Байтов).

*Я поэт. Продаю всякий шорох.  
В голове моей полный словарь.  
Крысы, клены, фонарь — все товар  
в операциях комбинаторных.  
О, как дорог сей всякий вздор  
сам себе в спекуляциях сонных* (Н. Байтов).

Пример включения в поэтический текст официально-деловой лексики:

*Впрочем, меж ними не так много слов.  
То есть, по сути, они молчат.  
Разве что души двух голосов  
соприкасаются на мелочах  
быта, работы, погоды, поры, —  
будто они составляют отчет  
или, о чем-то условясь, они  
видимость повторяют точь-в-точь... (Н. Байтов).*

Кроме семантики, важным средством, поддерживающим смысл, является также фонетическая аранжировка текста. Звукопись — аллитерация и ассонанс — постоянный прием поддержки смысла:

*КИПаРиСовый КИПРенский...  
И, КапРизней мотылька,  
Болдинский набросок женский  
Ожидает молотка* (А. Вознесенский).



Как классические, так и современные авторы широко используют такой вид тропа, как оксюморон, являющийся своеобразной эмблематикой русского художественного текста (И.В. Кондаков):

*В это время ОТКРЫЛАСЬ ЗАКРЫТАЯ ДВЕРЬ* (Б. Ахмадулина);  
*Довольствоваться РОСКОШЬЮ БЕДЫ* (Б. Ахмадулина);  
*... какое ВЕЧНОЕ НЕВЕЧНОЕ* (А. Вознесенский);  
*... а самое СТРАШНОЕ — то, что НЕ СТРАШНО* (Б. Чичибабин).

Как показывает анализ нашего материала, семантическая сочетаемость русской поэтической художественной речи организована на основе как собственно языкового механизма (повторяемость сем сочетающихся слов), так и на основе авторского индивидуального видения предмета — потенциальных сем (вырез на платье как надрез арбуза, игра пианиста как массаж клавиш):

*И, плечами пожав, Слава Зайцев,*  
*Чтобы легче дышать или плакать, —*  
*Декольте на груди вырезает,*  
*Вниз углом, как арбузную мякоть* (А. Вознесенский).

В современном стихотворном тексте превалирует поликодовая метафорическая сочетаемость. В проанализированном нами материале встречается от двух до шести метафорических тематических зон. Расширение их количества приводит к увеличению числа потенциальных сем — ассоциаций, обеспечивающих связность таксономически разнопорядковых метафорических зон: мода и еда (вырез в форме *пирамидки для пробы арбуза*), гашение свечи как *ловля бабочки, лепестки астры и астронавты*, кофе — *сообщник-гуца, жадный кран как щедрый филин* и т.п.

Таким образом, динамика русского поэтического художественно-го текста представляет собой два основных вектора: увеличение количества метафорических зон в поэзии XX—XXI вв. и расширение лексической палитры поэзии: включение в стихотворную ткань разговорной речи (*безмозглая сила, орущий, ко всем чертям, зажигать, пиариться, как оглашенный*), научной терминологии (*локация, мензурка, аллергия*) и даже официально-деловой речи (*составляют отчет*).

В **заключении** диссертации резюмируются результаты исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы исследования.

Классический русский прозаический текст строится линейно-прерывисто. В современном русском прозаическом тексте механизм связности усложняется. Кроме классического повтора мотивов появляются такие механизмы связности, как конверсивная связность, функционально-изоморфная связность, культурно-ассоциативная связность.

Вектором изменения синтагматики поэтического текста (конца XX — начала XXI в. по сравнению с XIX в.) являются: 1) увеличение метафорических зон текста (от 2 до 6): экономическая, техническая, политическая, компьютерная метафоры); 2) их таксономически не смежный характер (гастрометафора и политическая метафора, медицинская метафора и натурметафора); 3) стилистическая диффузность текста, позволяющая вводить в него элементы иных лексических зон (термины, архаическая лексика, просторечие, жаргон, заимствования, официально-деловая лексика); 4) увеличение вследствие этого количества потенциальных сем, обеспечивающих сочетаемость, связность посредством сквозных сем текстовой синтагматики преимущественно факультативного (тональность текста, оценки) и потенциального (ассоциации, фоновое и энциклопедическое знание) характера.

Перспективы исследования видятся в описании семантической синтагматики современного русского публицистического стиля.

**Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:**

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ*

1. Дуркина, Г.С. Textoобразующие логико-семантические связи русского современного художественного текста / Г.С. Дуркина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2010. — № 10 (54). — С. 82—86 (0,4 п. л.).
2. Дуркина, Г.С. Синтагматический аспект художественного текста (на примере классической и современной русской литературы) / Г.С. Дуркина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2011. — № 10 (64). — С. 50—53 (0,5 п. л.).
3. Дуркина, Г.С. Фреймовая организация художественного текста (на материале русской классической и современной литературы) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2013. — № 9 (84). — С. 90—93 (0,4 п. л.).

*Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций*

4. Дуркина, Г.С. Художественная картина мира: синтагматический аспект (на материале поэзии Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Б. Чичибабина) / Г.С. Дуркина // Материалы Международной научной конференции «Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы». — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. — С. 159—162 (0,3 п. л.).
5. Дуркина, Г.С. Механизм синтагматических отношений языковых единиц в русской речи (на материале поэзии Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Б. Чичибабина) / Г. С. Дуркина // XII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. Волгоград, 13—16 нояб. 2007: сб. науч. материалов. Напр. 13 «Филология»: «Русский язык» и «Литература». — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. — С. 32—37 (0,3 п. л.).

6. Дуркина, Г.С. Семантическая синтагматика современного русского прозаического текста (на материале романа Л. Улицкой «Медя и ее дети») / Г.С. Дуркина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. — Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2008. — Вып. 5. — С. 70—76 (0,3 п. л.).

7. Дуркина, Г.С. Механизм синтагматических отношений языковых единиц в русском поэтическом тексте (на материале поэзии А. Пушкина, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Б. Чичибабина) / Г.С. Дуркина // Материалы восьмой международной конференции. — Владимир, 2009. — С. 95—99 (0,4 п. л.).

8. Дуркина, Г.С. Средства связи в романе В. Пелевина «Жизнь насекомых» / Г.С. Дуркина // Материалы Общероссийской научной конференции «XIV Державинские чтения». — Тамбов, 2009. — С. 331—335 (0,3 п. л.).

ДУРКИНА Галина Сергеевна

СЕМАНТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ  
ОПИСАНИЯ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Подписано к печати 31.10.13. Формат 60x84/16. Бум. офс.  
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ

Издательство ВГСПУ «Перемена»  
Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»  
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27